

84P1
149

М. Нерсисян

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ НЕРУССКИХ ШКОЛ

М. Ю. Лермонтов

^ 492

**ИЗБРАННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ**

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1947 Ленинград

13г.

Предисловие и комментарии
Н. ШЕР

9933

1957-58 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮВЕНТЫ
ДЕТСА

С81192 Кх Рег-04

Российская государственная
детская библиотека

МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ ЛЁРМОНТОВ

(1814—1841)

В каждой странѣ, у каждаго народа есть свой самыя любимыя писатели. Имена их произносятся с гордостью, а книги, написанныя ими, — лучшіе и верныя друзья человека.

К таким писателям принадлежит и Михаил Юрьевич Лермонтов.

Произведения Лермонтова читали наши деды и прадеды, читаем их и мы. Каждое новое поколѣние читает их по-новому, но всех одинаково волнуют и судьба Лермонтова и его стихи, всегда прекрасные, всегда проникнутые непримиримой ненавистью к насилию, деспотизму, страстной любовью к родине, к родному народу.

Стихи Лермонтова очень любил Владимір Ильич Ленин. Он часто их перечитывал, возил с собою в ссылку. «Привлекала нас смѣлость и сила чувства, которые так ярки у Лермонтова», говорила Надежда Константиновна Крупская. Эти же «смѣлость и сила чувства» в дни Великой Отечественной войны привлекали и молодую партизанку

Краснодо́на, кото́рая запы́сывала в свой дневни́к слова́ Лёрмонтова о твёрдой во́ле челове́ка, и ты́сячи бойцо́в, кото́рые шли с пёсней «Бородино́» защища́ть Москв́у, и всех тех, кто по-настояще́му люби́л и люби́т свою́ ро́дину.

Михаи́л Ю́рьевич Лёрмонтов роди́лся в Москв́е 15 октяб́ря 1814 го́да. Ма́ть Лёрмонтова умерла́, когда́ ему́ не́ было ещё́ трёх лет; он не по́мнил её́ совсе́м, но «бы́ла пёсня, — говори́л он позднее́, — от кото́рой я пла́кал, её́ не могу́ тепе́рь вспо́мнить, но уве́рен, что е́сли бы услыха́л её́, она́ бы произвела́ пре́жнее де́йствие. Её́ пева́ла мне поко́йная ма́ть». Ма́ть люби́ла му́зыку — мно́го игра́ла на фортепи́ано, люби́ла стихи́ и да́же сама́ их писа́ла. По́сле ма́тери оста́лся альбо́м. Мно́го гру́стных и не́жных стихо́в, напи́санных руко́ю друзе́й и знако́мых, бы́ло в э́том альбо́ме. Когда́ ма́ть умерла́, альбо́м доста́лся Лёрмонтову, и, подро́ста́я, он стал и сам запы́сывать в него́ свои́ мы́сли, рисо́вать карти́нки.

Оте́ц, капита́н в отста́вке Ю́рий Петро́вич Лёрмонтов, вско́ре по́сле сме́рти ма́тери уе́хал. Ба́бушка, Елиза́вета Алексе́евна Арсе́ньева, замени́ла ма́льчику ма́ть. Она́ посели́лась с ним в Пе́нзенской губе́рнии, в своём имении́ Тарха́ны. Оте́ц изредка наве́щал сы́на. Ба́бушка не люби́ла отца́. Мише́ль — так называ́ли Лёрмонтова — не знал, что произошло́ ме́жду отцо́м и ба́бушкой, но дога́дывался, что ма́ть его́ была́ несча́стлива и что ба́бушка обвиня́ет в э́том отца́. Ма́льчик ни у ко́го ни о че́м не спра́шивал, он мо́лча

и тяжело переживал своё горе. Мишель был своевольным, вспыльчивым мальчиком, но сердце у него было доброе и отзывчивое: рассказывают, что, маленький, «он напускался на бабушку, когда она бранила крепостных, выходил из себя, когда кого-нибудь вели наказывать, и бросался на отдавших приказание с палкой, с ножом — что под руку попадало».

В детстве Лермонтов любил слушать рассказы и сказки о волжских разбойниках, о Наполеоне, о пожаре Москвы в 1812 году; любил воображать себя то храбрым рыцарем, то разбойником где-нибудь в дремучих лесах.

Несколько раз бабушка возила его на Кавказ. На Кавказе всё нравилось Лермонтову: и снеговая цепь «синих гор» с величавым Эльбрусом, и бурные горные речки, и тёмные ночи с яркими звёздами, и песни горцев, которые приезжали верхом из соседних аулов. «Всё, всё в этом крае прекрасно...» говорил Лермонтов и навсегда полюбил Кавказ. «Как сладкую песню отчизны моей, люблю я Кавказ», писал он.

Зимой в Тарханах Лермонтов учился и много читал. В доме была библиотека; в ней были и «Дон-Кихот», и «Робинзон», и биографии великих людей, и сочинения русских писателей.

Лермонтову было одиннадцать лет, когда в Тарханы стали доходить слухи о том, что 14 декабря 1825 года в Петербурге было восстание. Рассказывали, что восставшие офицеры и солдаты хотели свергнуть царя. Потом дошёл слух о казни руководителей восстания. Разговоры

об этом велись шопотом, и тем сильнее поражали они воображение Лермонтова, и не одного Лермонтова. «Не знаю, как это сделалось, — писал Герцен, вспоминая своё детство, — но, мало понимая или очень смутно, в чём дело, я чувствовал, что я не с той стороны, с которой картечь и победы, тюрьмы и цепи. Казнь Пестеля и его товарищей окончательно разбудила ребяческий сон моей души».

Детство Лермонтова в деревне кончилось.

Надо было поступать в школу. Бабушка решила отдать Мишеля в Благородный пансион при Московском университете. Это было лучшее учебное заведение в Москве; в нём когда-то учились Жуковский, Грибоедов, учился и декабрист Каховский и другие участники декабрьского восстания. О них в пансионе помнили, и многие воспитанники гордились ими.

В пансионе много и серьёзно занимались литературой. Преподаватель словесности Семён Егорович Раич, известный поэт и переводчик, каждую субботу собирал у себя в комнате воспитанников пансиона, интересовавшихся литературой. Здесь читали и обсуждали произведения разных писателей, спорили, пробовали писать сами. С литературой в пансионе знакомились не только на уроках словесности или в кружке Раича. Самыми разными путями доходили сюда и запрещённые сочинения декабристов, стихи Рылеева, Пушкина. Вольные и смелые стихи о России, о свободе были близки сердцу Лермонтова. Детские, неясные ещё чувства, догадки принимали характер определё-

ный; постепенно начинал он понимать окружающее, сознать, в какое мрачное, тревожное и страшное время он живёт. И обо всём этом писал в своих первых юношеских стихах.

В пансионе Лермонтов скоро сделался признанным поэтом; стихи его расходились в списках, помещались в рукописном журнале — рукописные журналы выпускались тогда почти в каждом учебном заведении.

Занятия поэзией не мешали Лермонтову серьёзно учиться. По черновым тетрадным видно, как много он читал, как усердно учился. В этих тетрадах — и учебные упражнения в переводах с иностранных языков, и конспекты лекций по всеобщей истории, и математические задачи, которые Лермонтов очень любил решать. Он хорошо играл в шахматы, рисовал, лепил, играл на фортепиано, на скрипке и во всём проявлял необычайное упорство и настойчивость. Литературу он знал прекрасно; больше всех русских поэтов любил Пушкина, а из иностранных писателей — Байрона и Шиллера.

В 1830 году Лермонтов поступил в Московский университет.

Учиться в университете ему было скучно. По многим предметам он знал гораздо больше того, что читали профессора. У него был свой кружок, свои друзья; им он читал стихи, с ними бывал в театре, спорил о литературе, об искусстве, о судьбах России — обо всём, о чём так же горячо спорили в других передовых студенческих кружках: в кружке студентов Герцена и Огарёва, в комнате универ-

ситётского общежитія, где жил студѣнт Бели́нский. Эти вопро́сы одина́ково волновáли всех лу́чших, передовы́х люде́й Росси́и.

Когда́ Лѣрмонтов был на второ́м ку́рсе, у́мер его́ оте́ц.

«Ужа́сная судьба́ отца́ и сы́на

Жить ро́зно и в разлу́ке умереть»,

писа́л Лѣрмонтов. Он тяжело́ пережива́л это́ горе. В универси́тет он почти́ перестáл ходи́ть, но раба́тал мно́го и напря́жённо и, как всегда́, ма́ло говори́л о своихъ литератúрныхъ за́няти́ях. Весно́й Лѣрмонтов реши́л перейти́ в Петербу́ргский универси́тет. Ба́бушка покорѣлась, и они́ переѣхали в Петербу́рг. Здесь в универси́тете отка́зались заче́сть два го́да учёны́я в Москвѣ, и Лѣрмонтов почти́ неожида́нно для само́го себѣ оказа́лся в шко́ле гварде́йскихъ подпра́порщиковъ и кавалерѣйскихъ юнкеровъ.

Два го́да провёл Лѣрмонтов в шко́ле, где ца́ри́ла сурова́я, бессмы́сленная муштра́, где запрещáлось ду́мать, где нельзѣ́ было да́же чита́ть кни́ги «литератúрного содер́жания».

Лѣрмонтову́ было́ два́дцать лет, когда́ он о́кончил ю́нкерскую шко́лу. Ему́ предстоя́ла но́вая жизнь — жизнь блестя́щего гварде́йского офице́ра, пустáя, суетли́вая. Но Лѣрмонтов не был дово́лен. Всѣ́ так же, как в ра́нней ю́ности, мечта́л он о по́двигахъ и о борьбѣ́. Друзья́ говори́ли, что «когда́ он остава́лся оди́н и́ли с людьмѣ́, кото́рых любѣ́л, он становѣ́лся задумчивъ, и лицó его́ принима́ло необыкновенно́ серьёзное и да́же гру́стное выра́жение».

Другом Лермонтов был верным, и дружба была для него «священным чувством». Друзья ценили его за это, верили высокой душой поэта, его любящему сердцу, хоть и досадовали иногда на него за какое-нибудь меткое прозвище, за острый язык, неугомонный характер.

Писал Лермонтов все эти годы очень много, но печатать свои произведения решительно отказывался. Когда в 1835 году один из его друзей потихоньку от него послал в журнал его поэму «Хаджи-Абрек» и её там напечатали, Лермонтов был очень недоволен.

Наступил 1837 год. Этот год был одним из самых значительных в жизни Лермонтова. В самом начале года он написал стихотворение «Бородино» и мечтал прочесть его Пушкину. Но с Пушкиным он не был знаком — ему всё казалось, что он не написал ещё ни одного стихотворения, которое можно было бы показать поэту, перед которым он преклонялся, которого ставил выше всех поэтов мира. Но 29 января Пушкина не стало.

Весть о смерти Пушкина поразила Лермонтова, и в припадке истинного горя и отчаяния написал он своё замечательное стихотворение «Смерть поэта». В нём каждая строчка полна скорби и любви к Пушкину, ненависти и презрения к высшему обществу. Это общество Лермонтов обвинял в смерти поэта.

Стихи быстро разошлись в списках по всей России; их читали взволнованно, с болью в сердце все, кому дорог был Пушкин — величайший русский поэт. Но люди из высшего общества возмущались, негодовали; стихи были

доставлены царю с надписью: «Призыв к революции». Лермонтов был арестован.

Вскоре после ареста последовал приказ: «Корнета Лермонтова перевести в Нижегородский драгунский полк тем же чином». Казалось, что приказ милостив, но Нижегородский полк стоял в то время на Кавказе, где шла война с горами; Лермонтова посылали под пули горцев в надежде навсегда избавиться от беспокойного поэта.

В марте Лермонтов уехал в ссылку.

Когда после многих дней пути увидел он снежные горы, когда потом бродил по аулам, сидел вечером где-нибудь у сакли или, одетый по-черкесски, с ружьем за плечами, носился верхом по горам, то чувствовал он себя почти счастливым. «Хандра к чорту, сердце бьется, грудь высоко дышит», писал он одному из своих друзей. На Кавказе Лермонтов наблюдал жизнь горцев, слушал народные сказки, песни, предания, слушал рассказы о том, как царские войска покоряют вольные аулы и как героически защищаются горцы. Много он записывал, зарисовывал, и многое легло в основу его будущих произведений. Сам он в это время писал «Песню про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова». И в старинных преданиях Кавказа и в русских народных песнях, сказках, былинах, которые он с детства знал и любил, ему нравились образы смелых, мужественных людей, привлекала красота «души народной», которую он так хорошо умел понимать.

В ссылке Лермонтов пробыл недолго: не прошло и года,

как ба́бушка доби́лась того́, что его́ верну́ли в Петербу́рг.

Ле́рмонтов был уже́ знаменитый поэт. Но в свѣтском обществе́ ему́ было́ тя́гостно и ску́чно, он хорошо́ ви́дел всё по́шлое и смешно́е в э́том обществе́, и ско́ро по го́роду ста́ли ходи́ть его́ о́стрые словѣчки, его́ стихи́, в кото́рых он зло смея́лся над не́которыми людьми́. Все́ ре́же стал быва́ть Ле́рмонтов в свѣте; вечера́ проводи́л он тепе́рь у но́вых зна́комых, где собира́лись писа́тели, музыкан́ты, учёные, для того́ что́бы погово́рить о литерату́ре, послу́шать му́зыку, поспо́рить. Здесь Ле́рмонтов встреча́лся с лу́чшими ру́сскими писа́телями, худо́жниками, музыкан́тами; здесь принима́ли его́ не потому́, что он «был в мо́де», а це́нили его́ стихи́, ви́дели в нём большо́го поэ́та, и мно́гие уже́ счита́ли его́ пре́емником Пу́шкина.

С 1838 го́да в журна́лах одно́ за дру́гим ста́ли появля́ться стихотворе́ния Ле́рмонтова: «Три па́льмы», «Поэ́т», «Ду́ма» и дру́гие. По́сле стихотворе́ния «Боро́дино» э́то были́ пе́рвые стихи́, кото́рые он сам реши́л отда́ть в печа́ть. Любо́вь к ро́дине, протѣ́ст прот́ив деспот́изма, прот́ив всего́ ме́лкого и по́шлого в жи́зни, жа́жда свобо́ды все́ сильнее́ и убе́дительнее́ звуча́т в стиха́х Ле́рмонтова.

К э́тому вре́мени им уже́ было́ напи́сано бо́льше трёхсо́т стихотворе́ний, мно́го поэм, не́сколько драм, и он закан́чивал свой большо́й рома́н «Геро́й на́шего вре́мени», кото́рый писа́л про́зой. Над не́которыми сво́ими произведе́ниями Ле́рмонтов рабо́тал до́лго, упо́рно. Поэ́му «Де́мон», напри́мер, он на́чал писа́ть в четы́рнадцать лет и рабо́тал

над ней до конца жизни. Но часто в минуты вдохновения, не отрываясь, на каком-нибудь клочке бумаги почти без помарок писал он такие прекрасные стихи, как «Тучи» или «Казачья колыбельная песня». «Мне случилось однажды уловить лучшую минуту его вдохновения, — рассказывает один из его приятелей. — В летний вечер я к нему зашёл и застал его за письменным столом, с пылающим лицом и с огненными глазами, которые были у него особенно выразительны. «Что с тобой?» спросил я. «Сядьте и слушайте», сказал он и в ту же минуту в порыве восторга прочёл мне от начала до конца всю свою великолепную поэму «Мцыри», которая только что вылилась из-под его вдохновенного пера».

Но никогда вполне доволен собою Лермонтов не был, часто уничтожал он стихи, не читав их никому, часто сомневался в себе, в своём таланте.

Когда в 1840 году он подготовлял к печати первый сборник своих стихов, то из огромного количества написанных стихотворений выбрал очень немного. Даже такие прекрасные стихи, как «Парус», он считал недостаточно хорошими. Сборник получился маленький, но этот маленький сборник окончательно закрепил за ним славу большого поэта.

Всё больше и больше тяготила Лермонтова светская жизнь, и всё настойчивее говорил он друзьям о том, что хочет уйти в отставку, посвятить себя целиком литературе. В это время он особенно близко сошёлся с кружком молодых людей. В кружке этом было шестнадцать человек, они

так и называли себя: «Кружок шестнадцати». Обычно вечером после бала или театра собирались участники кружка вместе. Говорили обо всём: и о театре, и о прошлом и будущем России, и о декабристах, и о новых произведениях литературы. Говорили смело, судили обо всём решительно и резко. Слух об этом кружке скоро разнёсся по городу, дошёл до начальства, которое пригрозило «разорить гнездо». Но Лермонтов не унимался. Он не скрывал своего отношения к свету, к властям; его смелые обличительные стихи становились опасными с точки зрения властей. Снова надо было позаботиться о том, чтоб убрать неугодного поэта. Была подстроена ссора его с сыном французского посланника. Тот вызвал Лермонтова на дуэль. Враги Лермонтова надеялись, что на этой дуэли Лермонтов либо будет убит, либо его можно будет судить за убийство француза. Хотя дуэль кончилась без крови, Лермонтова арестовали и судили. И в апреле 1840 года он уже уехал на Кавказ во вторую ссылку.

Через год с небольшим Лермонтов погиб на дуэли. Дуэль эта была «убийством, осуществлённым по приказу из Петербурга», говорили друзья поэта. И это было действительно так. Лермонтова вызвал на дуэль его бывший товарищ по юнкерской школе — Мартынов, человек пустой и ничтожный. Нашлись люди, которые постарались разжечь в нём злобу против Лермонтова, внушить ему, что Лермонтов зло издевается над ним; эти люди знали, что смерть поэта угодна царскому правительству и что для них она пройдёт безнаказанной.

Дуэль состоялась недалекó от Пятигóрска, у подно́жия горы́ Машу́к. Был вéчер. Чёрная грозováя туча поднимáлась над горóй. Секундáнты пóдали протíвникам знак сходить́ся. Лéрмонтов стоя́л споко́йно, подня́в пистоле́т ду́лом вверх — он не хоте́л стреля́ть. Марты́нов бы́стро подошёл к барьёру, прицелился — пу́ля попáла в сёрдце Лéрмонтову. Э́то было 27 ию́ля 1841 го́да.

Н. Шер

РÓДИНА

Люблю́ отчѣзну¹ я, но странною любóвью!
Не победѣт её рассу́док мой.
Ни сла́ва, кúпленная крóвью,
Ни пóлный гóрдого дове́рия поко́й,
Ни тёмной стари́ны заветные преда́нья
Не шевеля́т во мне отра́дного мечта́нья.

Но я люблю́ — за что, не зна́ю сам! —
Её степѣй холо́дное молча́нье,
Её лесóв безбре́жных колыха́нье,
Разли́вы рек её, подо́бные моря́м...
Просёлочным путѣм люблю́ скака́ть в теле́ге
И, взбо́ром ме́дленным пронза́я но́чи тень,
Встреча́ть по сторо́нам, вздыха́я о ноче́лге,
Дрожа́щие огни́ печальных дере́вень;

Люблю́ дымо́к спалённой жни́вы,
В степи́ ноче́ующий обо́з
И на холме́ средь жёлтой ни́вы
Чету́ беле́ющих берёз.

¹ Объяснение трудных слов см. в конце книги, стр. 59.

С отра́дой, мно́гим незнако́мой,
Я ви́жу по́лное гумно́,
Избу́, покрýтую соло́мой,
С резны́ми ста́внями окно́;
И в пра́здник, ве́чером росы́стым,
Смотре́ть до по́лночи гото́в
На пля́ску с то́паньем и свисто́м
Под го́вор пьяных мужичко́в.

Свое́й ро́дине Лё́рмонтов посвяти́л мно́го прекра́сных стихотво́рений: «Боро́дино», «Два велика́на», «Ро́дина» и други́е. В э́тих стихотво́рениях он говори́т и о сла́вном про́шлом свое́й ро́дины, и о геро́йческих дела́х ру́сского наро́да, и о ру́сской приро́де. Все э́ти стихи́ на́писаны в разное вре́мя, но те́сно ме́жду собо́й связа́ны, объеди́нены о́бщим чу́вством: глубо́кой, поэти́ческой и трево́жной любви́ к ро́дине. Лё́рмонтов жил в тяжё́лое вре́мя — в ца́рствование Никола́я I, когда́ то́лько что было́ пода́влено восста́ние декабри́стов и нача́лась пора́ жесто́кого наси́лия и гнёта. Он стра́стно ненави́дел ца́рскую вла́сть, ца́рских прислу́жников, ненави́дел крепостно́е ра́бство. И тем доро́же бы́ли ему́ родны́е поля́, сте́пы, леса́ и ре́ки, «печа́льные дере́вни», «избы, крýтые соло́мой», те самые крестья́не, кото́рые в дни Оте́чественной войны́ 1812 го́да и остано́вились за сча́стье и свобо́ду ро́дины. И об э́той любви́ к свое́й отчи́зне рассказы́вает Лё́рмонтов в стихотво́рении «Ро́дина».

Москвѣ, Москвѣ... люблю тебя, как сын,
 Как русский, — сильно, пламенно и нежно!
 Люблю священный блеск твоих седин
 И этот Кремль зубчатый, безмятежный.
 Напрасно думал чуждый властелин
 С тобой, столетним великаном,
 Померяться главою и — обманом
 Тебя низвергнуть. Тщетно поражал
 Тебя пришлец: ты вздрогнул — он упал.
 Вселенная замолкла... Величавый,
 Один ты жив, наследник нашей славы.

В 1827 году Лермонтов приехал в Москву. Ему было тринадцать лет, он готовился к экзамену в университетский пансион. Всё в Москве радовало Лермонтова, возбуждало в нём чувство гордости за свой народ, за свою родину. «Москвѣ моя родина и такою будет для меня всегда», говорил он. «Москвѣ не есть обыкновенный город, каких тысячи... нет. У неё есть своя душа, своя жизнь... Ни Кремля, ни его зубчатых стен, ни его тёмных переходов, ни пышных дворцов его описать невозможно... Надо видеть, видеть... надо чувствовать всё, что они говорят сердцу и воображению...» писал он. А в этом небольшом отрывке из поэмы «Сашка» Лермонтов так замечательно и с такой силой убеждения говорит о том, как напрасно пытался «чуждый властелин» — Наполеон I покорить Москву, овладеть Кремлём.

БОРОДИНО

«Скажи́-ка, дядя, ведь не даром
Москва́, спалённая пожа́ром,

Францу́зу отдана́?

Ведь бы́ли ж схва́тки боевы́е,

Да, говоря́т, ещё каки́е!

Неда́ром по́мнит вся Росси́я

Про день Бородина́!» —

«Да, бы́ли лю́ди в на́ше вре́мя,

Не то, что ны́нешнее плёмя:

Богаты́ри — не вы!

Плоха́я им доста́лась до́ля:

Не мно́гие верну́лись с по́ля...

Не будь на то господа́ня во́ля,

Не о́тдали б Москвы́.

«Мы до́лго мо́лча отступáли,

Доса́дно бы́ло, бо́я жда́ли,

Ворча́ли старики́:

«Что ж мы? на зи́мние кварта́ры?

Не сме́ют, что ли, командёры

Чужие изорва́ть мунди́ры

О ру́сские штыки́?»

«И вот нашли́ большо́е по́ле:

Есть разгуля́ться где на во́ле!

Постро́или реду́т.

У на́ших у́шки на маку́шке!
Чуть у́тро освети́ло пу́шки
И ле́са сѣ́ние верху́шки —
Францу́зы тут как тут.

«Забѣ́л заряд я в пу́шку ту́го
И ду́мал: угощу́ я дру́га!
Посто́й-ка, брат, мусью́:
Что тут хитри́ть, пожа́луй к бо́ю;
Уж мы пойдѣ́м ломѣ́ть стено́ю,
Уж посто́им мы голово́ю
За ро́дину свою́!

«Два дня мы бы́ли в перестрѣ́лке.
Что то́лку в э́такой безде́лке?
Мы жда́ли тре́тий день.
Повсю́ду ста́ли слы́шны рѣ́чи:
«Пора́ добра́ться до картѣ́чи!»
И вот на по́ле гро́зной се́чи
Ночна́я па́ла тень.

«Приле́г вздремну́ть я у лафе́та,
И слы́шно бы́ло до рассвѣ́та,
Как ликовáл францу́з.
Но тих был наш бива́к откры́тый:
Кто кѣ́вер чи́стил, весь избѣ́тый,
Кто штык то́чил, ворча́ сердѣ́то,
Куса́я дли́нный ус.

«И то́лько не́бо засвети́лось,
Всё шу́мно вдруг зашевели́лось,
Сверкну́л за стро́ем строй.
Полко́вник наш рождён был хва́том:
Слуга́ царю́, оте́ц солда́там...
Да, жаль егó: сражён була́том,
Он спит в земле́ сыро́й.

«И мо́лвил он, сверкну́в очáми:
«Ребя́та! не Москва́ ль за на́ми?
Умре́мте ж под Москво́й,
Как на́ши бра́тья умира́ли!»
И умере́ть мы обеща́ли,
И кля́тву ве́рности сдержáли
Мы в Бородинский бой.

«Ну ж был денёк! Сквозь дым лету́чий
Францу́зы двину́лись, как ту́чи,
И всё на наш реду́т.
Ула́ны с пе́стрыми значка́ми,
Драгу́ны с ко́нскими хвоста́ми,
Все промелькну́ли пе́ред на́ми,
Все побы́вали тут.

«Вам не вида́ть таки́х сраже́ний!..
Носи́лись знамена́, как те́ни,
В дыму́ ого́нь блесте́л,
Звуча́л була́т, карте́чь визжа́ла,
Рука́ бойцо́в коло́ть уста́ла,

И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел.

«Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый,
Наш рукопашный бой!..
Земля тряслась — как наши груди,
Смешались в кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудий
Слились в протяжный вой...

«Вот смерклось. Были все готовы
Заутра бой затеять новый
И до конца стоять...
Вот затрещали барабаны —
И отступили бусурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.

«Да, были люди в наше время,
Могучее, лихое племя:
Богатыри — не вы.
Плохая им досталась доля:
Не многие вернулись с поля,
Когда б на то не божья воля,
Не отдали б Москвы».

Стихотворение «Бородино» написано в 1837 году, в двадцатипятилетнюю годовщину Бородинского сражения. В стихотворении старый русский солдат рассказы-

вает молодым о Бородинском бое. Он описывает ночь перед боем, картину боя, рассказывает о настроении русских солдат перед битвой, о той великой любви русского народа к родине, которая всегда помогала и помогает ему отстоять свою независимость, дать отпор врагу. Прошло больше ста лет с тех пор, как написано это стихотворение, но и теперь, когда мы его читаем, мы переживаем чувство гордости за свой народ, за его славные дела. А те строки стихотворения, в которых говорится о Москве:

Ребята, не Москва ль за нами?

Умрёмте ж под Москвой,

Как наши братья умирали! —

в дни Великой Отечественной войны не раз повторялись бойцами и вдохновляли их на великие подвиги.

ДВА ВЕЛИКАНА

В шапке зóлота литóго
Стáрый рúсский великáн
Поджидал к себе другóго
Из далёких чуждых стран.

За горáми, за долáми
Уж гремёл об нём рассказ;
И помёряться главáми
Захотéлось им хоть раз.

И пришёл с грозой воéнной
Трёхнедéльный удалец —

И рукою дерзновенной
Хвать за вражеский венец!

Но улыбкой роковою
Русский витязь отвечал:
Посмотрел — тряхнул главою...
Ахнул дерзкий — и упал!

Но упал он в дальнем море
На невѣдомый гранит,
Там, где буря на просторе
Над пучиною шумит.

Стихотворение написано в 1832 году к двадцатой годовщине Отечественной войны 1812 года. В нём в сказочной, аллегорической форме рассказывается о борьбе Наполеона с русским народом — богатырём, великаном, который спокойно встретил врага, померялся с ним силами и блистательно его победил. В последних четырёх стихах говорится о судьбе Наполеона, сосланного на остров Святой Елены в Атлантическом океане.

СМЕРТЬ ПОЭТА

Погиб поэт! — невольник чести —
Пал, оклеветанный молвой,
С свинцом в груди и жаждой мести,
Поникнув гордой головой!..

Не вынесла душа́ поэта
Позора́ мелочных обид,
Восста́л он прот́ив мн́ений св́ета
Од́ин как пр́жде... и убит́!

Убит́!.. К ч́му теп́рь рыда́нья,
Пусты́х похва́л ненужный хор,
И жа́лкий ле́пет оправда́нья? —
Судьбы́ сверши́лся приговóр!

Не вы ль сперва́ так зло́бно гна́ли
Его́ свобóдный, сме́лый дар
И для пот́ехи раздува́ли
Чуть зата́ившийся пожа́р?
Что ж? весел́итесь... — Он муч́ений
После́дних вы́нести не мог:
Уга́с как св́еточ д́вный ге́ний,
Увя́л торже́ственный венóк.

Его́ убийца хладнокрóвно
Навё́л уда́р... спас́енья нет:
Пустóе се́рдце бы́ется рóвно,
В руке́ не дро́гнул пистолёт.
И что за д́во?.. из далёка,
Подóбный со́тням беглецо́в,
На лóвлю сча́стья и чино́в
Забро́шен к нам по во́ле ро́ка;
Смея́сь, он де́рзко презира́л
Земли́ чужо́й язы́к и нра́вы;

Не мог щадить он нашей славы;
Не мог понять в сей миг кровавый,
На что он руку поднимал!..

И он убит — и взят могилой,
Как тот певец, неведомый, но милый,
Добыча ревности глухой,
Воспетый им с такою чудной силой,
Сраженный, как и он, безжалостной рукой.

Зачем от мирных нег и дружбы простодушной
Вступил он в этот свет завистливый и душный
Для сердца вольного и пламенных страстей?
Зачем он руку дал клеветникам ничтожным,
Зачем поверил он словам и ласкам ложным,
Он, с юных лет постигнувший людей?..

И прежний сняв венок — он венек терновый,
Увитый лаврами, надели на него:

Но иглы тайные сурово
Язвили славное чело;

Отравлены его последние мгновенья
Коварным шопотом насмешливых неведжд,
И умер он — с напрасной жаждой мщенья,
С досадой тайною обманутых надежд.

Замолкли звуки чудных песен,
Не раздаваться им опять:
Приют певца угрюм и тесен,
И на устах его печать.

А вы, надмѣнные потѣмки
Извѣстной пѣдлостью прослѣвленных отцов,
Пятѣю рѣбскою поправшіе облѣмки
Игрѣю счѣстия обѣженных родов!
Вы, жадною толпѣю стоящіе у трѣна,
Свобѣды, Гѣнія и Слѣвы палачѣ!

Тѣйтесь вы под сѣнію закѣна,
Пред вѣми суд и правѣда — всѣ молчѣ!..
Но есть, есть бѣжій суд, напѣрсники развѣрата!
Есть грѣзный судѣя: он ждѣт;
Он не достѣпен звѣну злѣта,
И мѣсли и делѣ он знѣет напѣред.
Тогдѣ напрѣсно вы прибѣгнете к злослѣвью:
Онѣ вам не помѣжет вновѣ,
И вы не смѣете всей вѣшей чѣрной крѣвью
Поѣта правѣдную крѣвь!

В стихотворѣнии «Смерть поѣта» Лѣрмонтов взволнованно, горячѣ, смѣло рассказѣл и о безгранѣчной любви народа к Пушѣкину, и о большѣм гѣре, и о глубѣкой нѣнависти к егѣ убѣйцам. Кто же ѣти убѣйцы? Дантѣс — «человѣк с пустѣм сѣрдцем», которѣй никогдѣ не поймѣт, что он убѣйца величайшего поѣта Россѣи, и вмѣсте с Дантѣсом лѣудѣ высшого ѣбщества — главные виновники убѣйства. ѣтих лѣудѣ Лѣрмонтов заклеимѣл позѣром, к ним обращѣны сѣмѣе сильные, полные страстной нѣнависти стрѣки егѣ стихѣв.

В тѣсячах спѣсков разошлѣсь ѣти стихи по Россѣи. Их читѣли всѣду: в шѣколах, в университетѣских круж-

ка́х, в каза́рмах. «Мы волновáлись, приходíли в глубо́-
кое негодовáние, пыла́ли от всей души́, на́полненной
геро́йским воодушевлéнием, гото́вые на что уго́дно, —
так нас подымáла си́ла ле́рмонтовских стихо́в, так зара-
зи́телен был жар, пламенéвший в э́тих стиха́х», вспоми-
на́ет современни́к Ле́рмонтова, б́ывший то́гда шко́льни-
ком.

Мно́го лет спустя́ Алексе́й Макси́мович Го́рький
сказа́л: «Ле́рмонтов действите́льно по́нял Пу́шкина, по́-
нял его́ значéние и оди́н он проводил гроб по́эта кри́ком
зло́бы, тоски́, ме́сти».

ПА́РУС

Беле́ет па́рус одино́кой
В тумáне мо́ря голубо́м.
Что́ и́щет он в странé далёкой?
Что́ ки́нул он в краё́ родно́м?

Игра́ют во́лны, ве́тер сви́щет,
И ма́чта гнётся и скри́пит;
Увы! он сча́стия не и́щет
И не от сча́стия бежи́т!

Под ним струя́ светле́й лазу́ри,
Над ним луч со́лнца золоти́й, —
А он, мятéжный, про́сит бу́ри,
Как бу́дто в бу́рях есть поко́й!

О́сенью 1832 го́да Ле́рмонтов прие́хал в Петербу́рг,
что́бы поступи́ть в университе́т. Ему́ было́ всего́ 17 лет,
и всё в жи́зни скла́дывалось для него́ блестя́ще. Но, не-

смотря ни на что, настроёние у него́ было тревожное, тоскливое. Ему́ хотело́сь бу́ри, простора, свобо́ды, хоте́лось де́йствовать, боро́ться. «Вчера́ в 10 часо́в ве́чера было́ небольшо́е наводне́ние и да́же три́жды сде́лано было́ по два пу́шечных вы́стрела, по ме́ре того́ как вода́ опуска́лась и поднима́лась. Ночь была́ лу́нная, я был у своего́ окна́, кото́рое выхо́дит на кана́л. Вот что я написа́л:

Для чего́ я не роди́лся
Этой си́нею волно́й?
Как бы шу́мно я кати́лся
Под сере́бряной луно́й».

А че́рез не́сколько дней он написа́л одно́ из лу́чших своих стихотворе́ний — «Па́рус», в кото́ром переда́л это своё состоя́ние беспоко́йной, одино́кой, мяте́жной души́, кото́рое было́ тогда́ о́бщим для всех лу́чших, передовых люде́й Росси́и.

ТУ́ЧИ

Ту́чки небесные, ве́чные стра́нники!
Сте́пью лазу́рною, це́пью жемчу́жною
Мчи́тесь вы, бу́дто как я же, изгна́нники
С ми́лого се́вера в сто́рону ю́жную.

Кто же вас го́нит: судьбы́ ли реше́ние?
За́висть ли та́йная? зло́ба ль откры́тая?
Или на вас тяготит престу́пление?
Или друзе́й клеветá ядовита́я?

Нет, вам наскучили нѣвы бесплодные...
Чужды вам страсти и чужды страданія;
Вѣчно-холодные, вѣчно-свободные,
Нет у вас родины, нет вам изгнанія.

Это было в 1840 году в Петербургѣ. Лермонтов уезжал на Кавказ. О последнем вечерѣ, проведенном Лермонтовым в Петербургѣ, сохранился такой рассказ:

«Друзья и приятели собрались в квартирѣ Карамзинных проститься с юным другом своим, и тут, растроганный вниманіем к себѣ и непритворною любовью избраннаго кружка, поэт, стоя в окнѣ и глядя на тучи, которые ползли над Лѣтним садом и Невой, написал стихотвореніе «Тучки небесные...» Софья Карамзина и нѣсколько человек гостей окружили поэта и просили прочесть только что набросанное стихотвореніе. Он оглядел всех грустным взглядом выразительных глаз своих и прочел его. Когда он кончил, глаза были влажны от слѣз... Поэт двинулся в путь прямо от Карамзинных».

У Т Ё С

Ночевала тучка золотая
На груди утѣса-великана;
Утром в путь она умчалась рано,
По лазури весело играя;

Но остался влажный след в морщинѣ
Старога утѣса. Одиноко

Он стои́т, задума́лся глубо́ко,
И тихо́нько пла́чет он в пусты́не.

В апреле́ 1841 го́да писа́тель Влади́мир Фёдорович Одоёвский подарил Лермонтову небольшо́ую записну́ю кни́жку в ко́жаном переплёте и на пе́рвой её страни́це написа́л: «Поэ́ту Лермонтову даётся сия́ моя́ ста́рая и любима́я кни́га с тем, чтоб он возврати́л мне её сам и всю испи́санную».

Возврати́ть кни́гу само́му Лермонтову не пришло́сь— 27 ию́ля того́ же го́да он был уби́т на дуэли. В э́той по́следней кни́жке записа́л Лермонтов по́следние стихи́, среди́ кото́рых — «Утёс», одно́ из са́мых поэ́тических и гру́стных стихотво́рений Лермонтова.

* * *

На се́вере ди́ком стои́т оди́ноко
На го́лой верши́не сосна́
И дре́млет кача́ясь, и сне́гом сыпучим
Оде́та, как ри́зой, она́.

И снётся ей всё, что в пусты́не далёкой,
В том кра́е, где со́лнца восхо́д,
Одна́ и грустна́ на утёсе горю́щем
Прекра́сная па́льма растёт.

Оди́н из друзе́й Лермонтова ка́к-то попроси́л его́ пе-
ревести́ стихотво́рение Ге́йне «Сосна́ и Па́льма». Сти-
хотво́рение понравилось Лермонтову, и он тут же набро-
са́л на клочке́ бума́ги перево́д, но оста́лся им недово́лен.

После этого первого наброска Лермонтов много ещё работал над переводом стихотворения, близкого ему по духу, по теме. А в одном из альбомов сохранился и рисунок его, изображающий одинокую сосну на вершине и вдали, на скале, — пальму.

Б Е Г Л Ё Ц

(Горская легенда)

Гарун бежал быстрее лани,
Быстрее, чем заяц от орла;
Бежал он в страхе с поля брани,
Где кровь черкесская текла;
Отец и два родные брата
За честь и вольность там легли;
И под пятой у супостата
Лежат их головы в пыли.
Их кровь течёт и просит мщенья,
Гарун забыл свой долг и стыд;
Он растерял в пылу сраженья
Винтовку, шашку — и бежит!

И скрылся день; клубясь, туманы
Одели тёмные поляны
Широкой белой пеленой;
Пахнуло холодом с востока,
И над пустынею пророка
Встал тихо месяц золотой!..

Уста́лый, жа́ждою томи́мый,
С лица́ стира́я кровь и пот,
Гару́н меж скал ау́л роди́мый.
При лу́нном све́те узнаёт;
Подкра́лся он, нике́м не зри́мый...
Круго́м молча́нье и поко́й,
С крова́вой би́твы невре́димый
Лишь он оди́н пришёл домо́й;

И к са́кле он спешит знако́мой,
Там блещет свет, хозя́ин до́ма;
Скрепя́сь душо́й как то́лько мог,
Гару́н ступи́л че́рез поро́г;
Сели́ма звал он пре́жде дру́гом,
Сели́м пришельца не узна́л;
На ло́же, му́чимый недо́гом,
Оди́н, — он мо́лча умира́л...
«...Вели́к алла́х! от зло́й отра́вы
Он све́тлым а́нгелам свои́м
Веле́л бере́чь тебя́ для сла́вы!» —
«Что но́вого?» — спроси́л Сели́м,
Подня́в слабе́ющие ве́жды,
И взор блесну́л огнём наде́жды!..
И он привста́л, и кровь бойца́
Вновь разыгра́лась в час конца́.
«Два дня мы би́лися в тесни́не;
Оте́ц мой пал, и бра́тья с ним;
И скры́лся я оди́н в пусты́не,

Как зверь, преслѣдуем, гоним;
С окровавлѣнными ногами
От острых камней и кустов,
Я шѣл безвѣстными тропами
По слѣду вѣпрей и волков;
Черкѣсы гибнут — враг повсюду...
Прими меня, мой старый друг;
И вот пророк! твоих услуг
Я до могилы не забуду!...»
И умирающий в ответ:
«Ступай — достоин ты презрѣнья.
Ни крова, ни благословѣнья
Здесь у меня для труса нет!...»
Стыда и тайной муки полный,
Без гнѣва вытерпев упрѣк,
Ступил опять Гарун безмолвный.
За непривѣтливый порог.
И саклю новую минуя,
На миг остановился он,
И прежних дней летучий сон
Вдруг обдал жаром поцелуя
Его холодное чело.
И стало сладко и светло
Его душе; во мраке ночи,
Казалось, пламенные очи
Блеснули ласково пред ним;
И он подумал: «Я любим;
Она лишь мной живёт и дышит...»

И хо́чет он взойти́ — и слы́шит,
И слы́шит пёсню стари́ны...
И стал Га́рун бледне́й луны́:

«Ме́сяц плывёт
И тих и спо́коён,
А ю́ноша-во́ин
На би́тву идёт.
Ружьё заряжа́ет джиги́т,
А де́ва ему́ говори́т:
Мой ми́лый, смеле́е
Вверя́йся ты ро́ку,
Моли́ся восто́ку,
Будь ве́рен проро́ку,
Будь сла́ве верне́е.
Свои́м изменя́вший
Изме́ной крова́вой,
Врага́ не срази́вши,
Погы́бнет без сла́вы,
Дожди́ его́ ран не обмо́ют,
И зве́ри косте́й не заро́ют.
Ме́сяц плывёт
И тих и спо́коён,
А ю́ноша-во́ин
На би́тву идёт».

Главо́й поникну́в, с быстро́тою
Га́рун свой продолжа́ет путь,

И крупная слеза порою
С ресницы падает на грудь...
Но вот, от бури наклонённый,
Пред ним родной белёет дом;
Надеждой снова ободрённый,
Гарун стучится под окном.
Там, верно, тёплые молитвы
Восходят к небу за него,
Старуха-мать ждёт сына с битвы,
Но ждёт его не одного!..
«Мать, отвори! Я странник бедный,
Я твой Гарун, твой младший сын;
Сквозь пули русские безвредно
Пришёл к тебе!» — «Один?» — «Один!..» —
«А где отец и братья?» — «Пали!
Пророк их смерть благословил,
И ангелы их души взяли». —
«Ты отомстил?» — «Не отомстил...
Но я стрелой пустился в горы,
Оставил меч в чужом краю,
Чтобы твой утешить взоры
И утереть слезу твою...» —
«Молчи, молчи! гяур лукавый,
Ты умереть не мог со славой,
Так удались, живи один.
Твоим стыдом, беглец свободы,
Не омрачу я стары годы,
Ты раб и трус — и мне не сын!..»

Умблкло сло́во отверже́нья,
И всё круго́м объ́ято сном.
Прокля́тья, сто́ны и моле́нья
Звуча́ли до́лго под окно́м;
И наконёц уда́р кинжа́ла
Пресе́к несча́стного позо́р...
И мать по́утру увида́ла...
И хла́дно отверну́ла взор.
И труп, от пра́ведных изгна́нный,
Никто́ к кладби́щу не отнёс,
И кровь с его́ глубо́кой ра́ны
Лиза́л, рыча́, дома́шний пёс;
Ребѣ́та ма́лые руга́лись
Над хла́дным те́лом мертвеца́,
В преда́ньях во́льности оста́лись
Позо́р и ги́бель беглеца́.
Душа́ его́ от глаз проро́ка
Со стра́хом удали́лась прочь;
И тень его́ в гора́х восто́ка
Поны́не бро́дит в те́мну ночь,
И под окно́м по́утру ра́но
Он в са́кли про́сится, сту́ча́,
Но, внемля гро́мкий стих Қора́на,
Бежи́т о́пять под сень тумана́,
Как пре́жде бе́гал от меча́.

В 1837 году́ Лѣрмонтов писа́л дру́гу своему́ С. А. Раѣв-
скому: «С тех пор, как вы́ехал из Росси́и, пове́ришь ли,
я находи́лся до сих пор в непрерывном стра́нство-

вании — то на перекладной, то верхом... одетый по-черкёски, с ружьём за плечами, ночевал в чистом поле, засыпал под крик шакалов, ел чурёк, пил кахетинское — даже... начал учиться по-татарски...» Возможно, что во время этих странствований слышал Лермонтов где-нибудь предание о трусливом Гаруне и под впечатлением этого предания написал поэму «Беглец», в которой рассказал о любви горцев к свободе и об их ненависти к предателям и трусам.

КАЗАЧЬЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.

Тихо смотрит месяц ясный
В колыбель твою.

Стану сказывать я сказки,
Песенку спою;

Ты ж дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.

По камням струится Тёрек.

Плещет мутный вал;

Злой чечен ползёт на берег,

Точит свой кинжал;

Но отец твой старый воин,

Закалён в бою:

Спи, малютка, будь спокоен,

Баюшки-баю.

Сам узна́ешь, бу́дет вре́мя,
Бра́нное житье́;
Сме́ло вдене́шь но́гу в стре́мя
И возме́шь ружье́.
Я седе́льце боево́е
Шёлком разошью́...
Спи, дитя́ моё родно́е,
Баюшки-баю́.

Богаты́рь ты бу́дешь с ви́ду
И каза́к душо́й.
Провожа́ть тебя́ я вы́йду —
Ты махне́шь руко́й...
Ско́лько го́рьких слёз укра́дкой
Я в ту ночь пролью́!..
Спи, мой а́нгел, т́ихо, сла́дко,
Баюшки-баю́.

Ста́ну я тоско́й томи́ться,
Безуте́шно жда́ть;
Ста́ну це́лый день моли́ться,
По но́чам гада́ть;
Ста́ну ду́мать, что скуча́ешь
Ты в чужо́м краю́...
Спи ж, пока́ забо́т не зна́ешь,
Баюшки-баю́.

Дам тебе́ я на доро́гу
Образо́к свято́й:

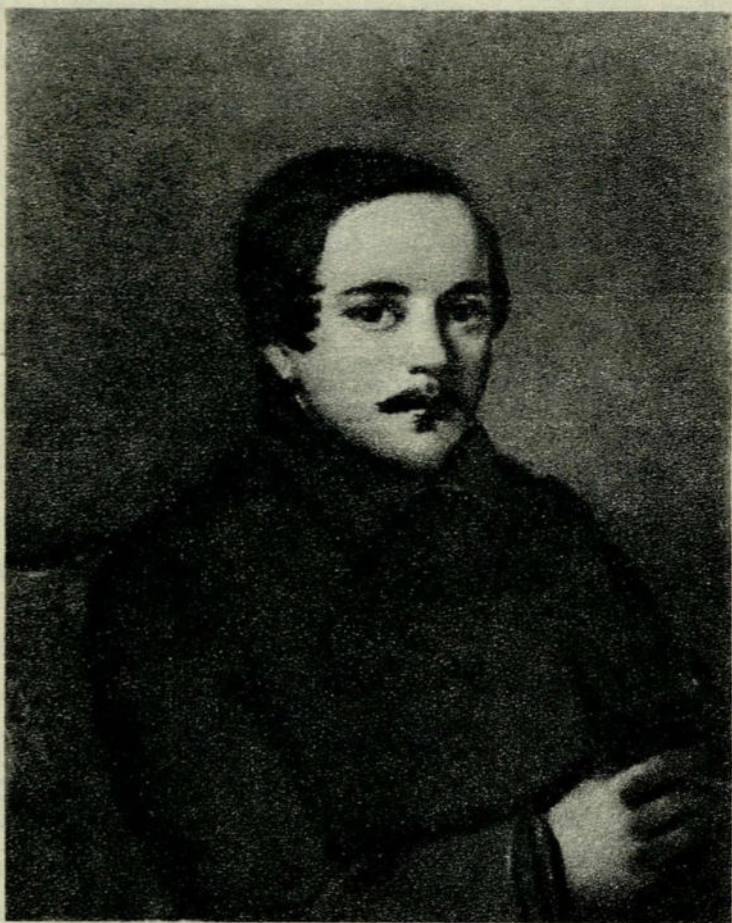
Ты его́, моля́ся бо́гу,
Ставь пе́ред собо́й;
Да гото́вясь в бой опа́сный,
По́мни мать свою́...
Спи, младе́нец мой прекра́сный,
Баюшки-баю́.

В 1837 году́, когда́ Лё́рмонтов был в пе́рвой ссы́лке на Кавка́зе, зае́хал он одна́жды в каза́чью станицу́. Ему́ отвели́ ха́ту. В ха́те никого́, кро́ме хозяйки́ с ребёнком, не́ было. Хозяйка́ ука́чивала ребёнка́ и пе́ла гру́стную наро́дную пе́сню о сы́не, кото́рого ожида́ет в бу́дущем жизнь, по́лная трево́г и опа́сностей. Лё́рмонтов до́лго слу́шал пе́сню, и, пока́ переноси́ли его́ ве́щи и устраи́вали ему́ ноче́лг, он тут же, на клочке́ бума́ги, каранда́шом, наброса́л свою́ «Колыбе́льную пе́сню». Напеча́тана она́ была́ то́лько в 1840 году́; когда́ Бели́нский прочёл её, он писа́л дру́гу своему́: «Что ты, Бо́ткин, не ска́жешь мне ничего́ о его́ «Колыбе́льной каза́чьей пе́сне»? Ведь чу́до». Вскоре́ по́сле вы́хода в свет «Колыбе́льная пе́сня» была́ перело́жена на му́зыку.

* * *

Дубо́вый листо́к оторва́лся от ве́тки роди́мой
И в степь ука́тился, жесто́кою бу́рей гони́мый;
Засо́х и увя́л он от хо́лода, зно́я и го́ря;
И вот наконё́ц докати́лся до Чёрного мо́ря.

У Чёрного мо́ря чина́ра стои́т молодáя;
С ней шёпчeтся ве́тер, зелёные ве́тки ласка́я;

На вѣтках зелёных качаются райские птицы;
Поют они пѣсни про славу морской царь-девицы.

И странник прижалеся у корня чинары высокой;
Приюта на время он молит с тоскою глубокой
И так говорит он: «Я бѣдный листочек дубовый.
До срока созрѣл я и вырос в отчизне суровой.

Один и без цѣли по свѣту ношусь давно я,
Засох я без тени, увял я без сна и покоя.
Прими же пришельца меж листьев своих
изумрудных,
Немало я знаю рассказов мудреных и чудных». —

«На что мне тебя? — отвечает младая чинара, —
Ты пылен и жѣлт, — и сынам моим свежим не пара.
Ты много видал — да к чему мне твой небылицы?
Мой слух утомили давно уж и райские птицы.

Иди себе дальше, о странник! тебя я не знаю!
Я солнцем любима; цвету для него и блистаю;
По небу я вѣтви раскинула здесь на просторе,
И корни мои умывает холодное море».

Это стихотворение Лермонтов написал незадолго до смерти. В нём то же настроѣние тревожного одиночества, грусти, как в «Парусе», «Тучах» и некоторых других его стихотворениях. Одинокій парус в безбрежном море, тучи в небе, дубовый листок, оторванный бурей от родной вѣтки... Но в стихотворении «Дубовый

листо́к...» Это чу́вство одино́чества у́сильвается созна́нием нену́жности, бесприю́тности: дубо́вый листо́к нигде́ не нахо́дит себе́ прию́та, как не находи́ли себе́ прию́та, не находи́ли применёния свои́м си́лам лу́чшие ру́сские лю́ди, обречённые на изгна́ние, на безде́йствие в ца́рской Росси́и.

* * *

Го́рные верши́ны
Спят во тьме но́чной;
Ти́хие доли́ны
По́льны све́жей мглой;
Не пы́лит доро́га,
Не дрожа́т листьё...
Подожди́ немно́го,
Отдохнёшь и ты.

Одна́жды Ле́рмонтов был в гостя́х; разгово́р заше́л о Ге́те — вели́ком неме́цком поэ́те. Ле́рмонтов спроси́л одно́го из прису́тствовавших поэ́тов, не про́бовал ли он перево́дить стихотво́рение Ге́те «Го́рные верши́ны». Тот отве́тил, что ему́ уда́лось перевести́ то́лько пе́рвую полови́ну стихотво́рения, а со второ́й полови́ной он не сла́дил: не сумёл пере́дать его́ «пе́вучести и неуволёмого ри́тма». «А я, напро́тив, мог то́лько второ́ую полови́ну перевести́», сказа́л Ле́рмонтов и тут же на листке́ бума́ги наброса́л свой во́льный перево́д стихотво́рения «Го́рные верши́ны», в кото́ром так порази́тельно пе́редал то настроёние тишины́ и поко́я, кото́рое ча́сто вызыва́ла в нём приро́да.

АШЫК-КЕРІБ

Давно́ тому́ наза́д, в го́роде Тифли́се, жил оди́н бога́тый ту́рок. Мно́го Алла́х дал ему́ зо́лота; но доро́же зо́лота была́ ему́ еди́нственная дочь, Магу́ль-Меге́ри. Хороши́ звёзды на небеса́, но за звёздами живу́т а́нгелы, и о́ни ещё лу́чше; так и Магу́ль-Меге́ри была́ лу́чше всех де́вушек Тифли́са. Был та́кже в Тифли́се бе́дный Ашы́к-Кері́б. Про́рок не дал ему́ ниче́го, кро́ме вы́сокого се́рдца и да́ра пе́сен; игра́я на са́азе (балала́йка) и прославля́я дре́вних ви́тязей Туркестана́, ходи́л он по сва́дьбам увеселя́ть бога́тых и счастли́вых. На одної́ сва́дьбе он уви́дал Магу́ль-Меге́ри, и о́ни полюби́ли друг дру́га. Ма́ло было́ наде́жды у бе́дного Ашы́к-Кері́ба получи́ть её ру́ку, и он стал гру́стен, как зи́мнее не́бо.

Вот, раз он лежа́л в саду́ под виногра́дником и наконёц засну́л. В э́то вре́мя шла ми́мо Магу́ль-Меге́ри с свои́ми подру́гами, и одна́ из них, уви́дав спя́щего ашы́ка (балала́ечника), отста́ла и подошла́ к нему́. «Что ты спишь под виногра́дником, — запела́ она́, — встава́й, безу́мный, твоя́ газе́ль и́дёт ми́мо». Он просну́лся, де́вушка порхну́ла прочь, как пт́ичка. Магу́ль-Меге́ри слы́шала её пе́сню и ста́ла её брани́ть. «Е́сли б ты зна́ла, — отвеча́ла та, — кому́ я пе́ла э́ту пе́сню, ты бы меня́ поблагодари́ла: э́то твой Ашы́к-Кері́б». — «Веди́ меня́ к нему́», сказа́ла Магу́ль-Меге́ри, и о́ни пошли́. Уви́дав его́ печа́льное лица́, Магу́ль-Меге́ри ста́ла его́ спра́шивать и утеша́ть. «Как мне не грусти́ть, — отвеча́л Ашы́к-Кері́б, — я тебя́ люблю́, и ты никогда́ не бу́дешь мое́ю». — «Проси́ мою́ ру́ку у отца́ моего́, — гово-

ри́ла она́, — и оте́ц мой сыгра́ет на́шу сва́дбу на свои́ де́нь-
ги и награди́т меня́ сто́лько, что нам вдвое́м доста́нет». —
«Хорошо́, — отве́чал он, — поло́жим, Ая́к-Ага́ ниче́го не
пожалее́т для сво́ей до́чери; но кто зна́ет, что по́сле ты
не бу́дешь меня́ упрека́ть в том, что я ниче́го не имёл и тебе́
всем обяза́н. Нет, ми́лая Магу́ль-Меге́ри, я положи́л заро́к
на свою́ ду́шу: обеща́юсь семь лет стра́нствовать по све́ту
и нажи́ть себе́ бога́тство ли́бо поги́бнуть в да́льних пусты́-
нях; е́сли ты согла́сна на э́то, то по истече́нии сро́ка бу́дешь
моёю». Она́ согла́силась, но прибави́ла, что е́сли в назна́чен-
ный день он не верне́тся, то она́ сде́лается жено́й Куршуд-
бе́ка, кото́рый давно́ уж за неё сва́тается.

Прише́л Аши́к-Кери́б к сво́ей ма́тери; взял на доро́гу её
благослове́ние, поцелова́л ма́ленькую сестру́, повеси́л че́рез
плечо́ су́мку, оперся́ на по́сох стра́нничий и вы́шел из го́рода
Тифли́са. И вот догоня́ет его́ вса́дник; он смóтрит: э́то
Куршуд-бек. «До́брый путе́! — крича́л ему́ бек. — Куда́ бы
ты ни шёл, стра́нник, я твой това́рищ». Не рад был Аши́к
своему́ това́рищу, но не́чего де́лать. До́лго они́ шли вме́сте,
наконе́ц за́видели пе́ред собо́ю ре́ку. Ни мо́ста, ни бро́да.
«Плы́ви вперёд, — сказа́л Куршуд-бек, — я за тобо́ю после́-
дую». Аши́к сброси́л ве́рхнее пла́тье и поплы́л. Перепра́вив-
шись, глядь наза́д — о го́ре! о всемо́гуший Алла́х! —
Куршуд-бек, взяв его́ оде́жды, уе́хал о́брáтно в Тифли́с;
то́лько пы́ль ви́лась за ним змеёю по гла́дкому по́лю. При-
ска́кав в Тифли́с, несёт бек пла́тье Аши́к-Кери́ба к его́
ста́рой ма́тери. «Твой сын утону́л в глубо́кой реке́, — гово-
ри́т он, — вот его́ оде́жда». В невырази́мой тоске́ упала́

мать на оде́жды любимо́го сы́на и ста́ла облива́ть их жа́ркими слеза́ми; пото́м взяла́ их и понесла́ к нарече́нной невестке своёй, Магу́ль-Меге́ри. «Мой сын утону́л, — сказа́ла она́ ей. — Куршуд-бек привёз его́ оде́жды; ты свободна́». Магу́ль-Меге́ри улыбу́лась и отвеча́ла: «Не верь, э́то всё вы́думки Куршуд-бе́ка; пре́жде исте́чения семи́ лет никто́ не бу́дет мо́им му́жем». Она́ взяла́ со стёны свою́ сааз и споко́йно нача́ла петь любимо́ую пе́сню бе́дного Аши́к-Кери́ба.

Ме́жду тем стра́нник пришёл бос и наг в одну́ дере́вню. До́брые лю́ди оде́ли его́ и накорми́ли; он за э́то пел им чу́дные пе́сни. Таки́м о́бразом пере́ходил он из дере́вни в дере́вню, из го́рода в го́род, и сла́ва его́ разнесла́сь повсю́ду. При́был он наконёц в Хала́ф. По обыкнове́нию, взошёл в кофе́йный дом, спроси́л сааз и стал петь. В э́то вре́мя жил в Хала́фе паша́, большо́й охотник до пе́сенников. Мно́гих к нему́ приводи́ли, — ни о́дин ему́ не понрави́лся. Его́ ча́уши изму́чились, бе́гая по го́роду. Вдруг, проходя́ ми́мо кофе́йного до́ма, слы́шат уди́вительный го́лос. Они́ туда́. «Иди́ с на́ми к вели́кому паше́, — закрича́ли они́, — или ты отвеча́ешь нам голово́ю». — «Я челове́к во́льный, стра́нник из го́рода Тифли́са, — говори́т Аши́к-Кери́б; — хочú — пойду́, хочú — нет; пою́, когда́ приде́тся, — и ваш паша́ мне не нача́льник». Одна́ко, несмотря́ на то, его́ схвати́ли и привели́ к паше́. «Пой», сказа́л паша́, — и он запёл. И в э́той пе́сне он сла́вил свою́ доро́гую Магу́ль-Меге́ри, и э́та пе́сня так нра́вилась го́рдому паше́, что он оста́вил у себя́ бе́дного Аши́к-Кери́ба. Посы́палось к нему́ серебро́

и зóлото, заблиста́ли на нём бога́тые оде́жды. Сча́стливо и вёсело стал жить Аши́к-Кери́б и сде́лался о́чень бога́т. Забы́л он свою́ Магу́ль-Меге́ри и́ли нет, не зна́ю, то́лько срок истека́л. После́дний год ско́ро до́лжен был ко́нчиться, а он и не гото́вился к отъезду. Прекра́сная Магу́ль-Меге́ри ста́ла отча́иваться. В то вре́мя отпра́влялся о́дин купе́ц с карава́ном из Тифли́са с сорока́ верблюда́ми и 80 нево́льниками. Призыва́ет она́ купца́ к себе́ и даё́т ему́ золоти́е блю́до. «Возьми́ ты э́то блю́до, — говори́т она́, — и в ка́кой бы ты го́род ни при́ехал, вы́ставь э́то блю́до в сво́ей ла́вке и объ́яви вездé, что тот, кто призна́ется моему́ блю́ду хозя́ином и дока́жет э́то, получи́т его́ и, вдоба́вок, вес его́ зóлотом». Отпра́вился купе́ц; вездé исполня́л поруче́ние Магу́ль-Меге́ри, но никто́ не призна́лся хозя́ином золоти́му блю́ду. Уж он про́дал почти́ все свои́ това́ры и при́ехал с оста́льными в Хала́ф. Объ́явил он вездé поруче́ние Магу́ль-Меге́ри. Услыха́в э́то, Аши́к-Кери́б прибега́ет в карава́н-сара́й и ви́дит золоти́е блю́до в ла́вке тифли́сского купца́. «Э́то моё!» сказа́л он, схвати́в его́ руко́ю. «То́чно, твоё, — сказа́л купе́ц: — я узна́л тебя́, Аши́к-Кери́б. Ступа́й же ско́рее в Тифли́с: твоя́ Магу́ль-Меге́ри велела́ тебе́ сказа́ть, что срок истека́ет, и е́сли ты не бу́дешь в назна́ченный день, то она́ вы́йдет за друго́го». В отча́янии Аши́к-Кери́б схвати́л себя́ за го́лову: остава́лось то́лько три дня до роково́го ча́са. Одна́ко он сел на ко́ня, взял с собо́й суму́ с золоти́ми моне́тами — и поскака́л, не жале́я ко́ня. Наконе́ц, изму́ченный бегу́н упáл бездыханны́й на Арзинга́н-горе́, что ме́жду Арзинья́ном и Арзеру́мом. Что ему́ было́

дѣлать: от Арзиньяна до Тифліса два мѣсяца ездѣ, а оставалось только два дня. «Аллахъ всемогущій! — воскликнул он, — если ты ужъ мне не поможешь, то мне нѣчего на землѣ дѣлать!» И хочетъ онъ броситься съ высокаго утѣса. Вдругъ видитъ внизу челоуѣка на бѣломъ конѣ и слышитъ громкій голосъ: «Огланъ (юноша), что ты хочешь дѣлать?» — «Хочу умерѣть», отвѣчалъ Ашѣк. «Слезай же сюда; если такъ, я тебя убью». Ашѣк спустился кое-какъ съ утѣса. «Ступай за мною», сказалъ грозно всадникъ. «Какъ я могу за тобою слѣдовать, — отвѣчалъ Ашѣк, — твой конь летитъ, какъ вѣтеръ, а я отягощенъ сумою». — «Правда; повѣсь же суму свою на седло мое и слѣдуй». Отсталъ Ашѣк-Керѣбъ, какъ ни старался бѣжать. «Что жъ ты отстаешь?» спросилъ всадникъ. «Какъ же я могу слѣдовать за тобою, твой конь быстрее мысли, а я ужъ измученъ». — «Правда; садись сзади на коня моего и говори всю правду: куда тебѣ нужно ѣхать?» — «Хотя бы въ Арзерумъ поспѣть нынче», отвѣчалъ Ашѣк. «Закрой же глаза». Онъ закрылъ. «Теперь открой». Смотритъ Ашѣк: передъ нимъ бѣлѣютъ стѣны и блещутъ минареты Арзерума. «Виноватъ, Агá, — сказалъ Ашѣк, — я ошибся; я хотѣлъ сказать, что мне надо въ Карсъ». — «То-то же, — отвѣчалъ всадникъ, — я предупредилъ тебя, чтобъ ты говорилъ мне сущую правду. Закрой же опять глаза. Теперь открой». Ашѣк себѣ не вѣритъ, то, что это Карсъ. Онъ упалъ на колѣни и сказалъ: «Виноватъ. Агá, трижды виноватъ твой слуга Ашѣк-Керѣбъ; но ты самъ знаешь, что если челоуѣкъ решился лгать съ утра, то долженъ лгать до конца дня: мне по-настоящему надо въ Тифлісъ». — «Экой ты невѣрный! — сказалъ сердито всадникъ; — но нѣчего

дѣлать, прощаю тебѣ. Закрой же глаза. Теперь открой», прибавил он по прошествии минуты. Ашик вскрикнул от радости: они были у ворот Тифлиса. Принеся искреннюю свою благодарность и взяв свою суму с седла, Ашик-Кериб сказал всаднику: «Ага, конечно, благодѣяние твоѣ велико, но сдѣлай еще больше; если я теперь буду рассказывать, что в одинъ день поспѣл из Арзиньяна в Тифлис, мне никто не повѣрит: дай мне какое-нибудь доказательство». — «Наклонись, — сказал тот, улыбнувшись, — возьми из-под копыта коня комокъ земли и положи себѣ за пазуху; и тогда, если не станутъ вѣрить истинѣ слов твоихъ, то вели к себѣ привести слепую, которая семь летъ ужъ в этомъ положеніи, помажь ей глаза — и она увидитъ». Ашикъ взялъ кусокъ земли из-под копыта бѣлого коня; но только он поднялъ голову — всадникъ и конь исчезли. Тогда он убѣдился в душѣ, что его покровитель былъ не кто иной, какъ Хадерилиазъ (св. Георгій).

Только поздно вечеромъ Ашик-Кериб отыскалъ домъ свой. Стучитъ онъ въ дѣри дрожащею рукою, говоря: «Ана, ана (мать), отвори! я божій гость, и холоден, и голоден; прошу, ради странствующаго твоего сына,пусти меня». Слабый голосъ старухи отвѣчалъ ему: «Для ночлега путниковъ есть дома богатыхъ и сильныхъ; есть теперь в городе свадьбы, ступай туда! там можешь провести ночь въ удовольствіи». — «Ана, — отвѣчалъ он, — я здѣсь никого знакомыхъ не имѣю и потому повторяю мою просьбу: ради странствующаго твоего сына,пусти меня!» Тогда сестра его говоритъ матери: «Мать, я встану и отворю ему дѣри». — «Негодная! — отвѣчала старуха; — ты рада принимать молодыхъ людей

и угощать их, потому что вот уже семь лет, как я от слёз потерял зрение». Но дочь, не внимая её упрекам, встала, отворила двери ипустила Ашик-Кериба. Сказав обычное приветствие, он сел и с тайным волнением стал осматриваться. И видит он, на стене висит, в пыльном чехле, его сладкозвучная сааз, и стал спрашивать у матери: «Что висит у тебя на стене?» — «Любопытный ты гость, — отвечала она, — будет и того, что тебе дадут кусок хлеба и завтра отпустят тебя с богом». — «Я уж сказал тебе, — возразил он, — что ты моя родная мать, а это сестра моя, и потому прошу объяснить мне, что это висит на стене?» — «Это сааз, сааз», отвечала старуха сердито, не веря ему. «А что значит сааз?» — «Сааз то значит, что на ней играют и поют песни». И просит Ашик-Кериб, чтоб она позволила сестре снять сааз и показать ему. «Нельзя, — отвечала старуха, — это сааз моего несчастного сына; вот уже семь лет она висит на стене, и ничья живая рука до неё не дотрагивалась». Но сестра его встала, сняла со стены сааз и отдала ему. Тогда он поднял глаза к небу и сотворил такую молитву: «О всемогущий Аллах! Если я должен достигнуть до желаемой цели, то моя семиструнная сааз будет так же стройна, как в тот день, когда я в последний раз играл на ней!» И он ударил по медным струнам, и струны согласно заговорили; и он начал петь: «Я бедный Кериб (странник), и слова мои бедны; но великий Хадерилияз помог мне спуститься с крутого утёса. Хотя я беден и бедны слова мои, узнай меня, мать, своего странника». После этого мать его зарыдала и спрашивает его: «Как тебя зовут?» — «Рашид» (просто-

душный), отвечал он. «Раз говори, другой раз слушай, Рашид, — сказала она, — своими речами ты изрезал сердце моё в куски. Нынешнюю ночь я во сне видела, что на голове моей волосы побелели, — я вот уж семь лет, как ослепла от слёз; скажи мне ты, который имеешь его голос, когда мой сын придёт?» И дважды со слезами она повторила ему просьбу. Напрасно он называл себя её сыном, но она не верила. И спустя несколько времени просит он: «Позвольте, матушка, взять сааз и итти; я слышал; здесь близко есть свадьба; сестра меня проводит; я буду петь и играть, и всё, что получу, принесу сюда и разделю с вами». — «Не позволю, — отвечала старуха; — с тех пор, как нет моего сына, его сааз не выходила из дому». Но он стал клясться, что не повредит ни одной струны. «А если хоть одна струна порвётся, — продолжал Ашик, — то отвечаю моим имуществом». Старуха ошупала его сумы и, узнав, что они наполнены монетами, отпустила его. Проводив его до богатого дома, где шумел свадебный пир, сестра осталась у дверей слушать, что будет.

В этом доме жила Магүль-Мегери, и в эту ночь она должна была сделаться женою Куршүд-бека. Куршүд-бек пировал с родными и друзьями, а Магүль-Мегери, сидя за богатою чапрой (занавесом) с своими подругами, держала в одной руке чашу с ядом, а в другой острый кинжал: она поклялась умереть прежде, чем опустит голову на ложе Куршүд-бека. И слышит она из-за чапры, что пришёл незнакомец, который говорит: «Селям алейкум! вы здесь веселитесь и пируете, так позвольте мне, бедному страннику, сесть с вами; и за то я спою вам песню». — «Почему же нет, —

сказал Куршуд-бек. — Сюда должны быть пускаемы песенники и плясуны, потому что здесь свадьба; спой же что-нибудь, Ашик (певец), и я отпущу тебя с полной горстью золота».

Тогда Куршуд-бек спросил его: «А как тебя зовут, путник?» — «Шинди-герурсез (скоро узнаете)». — «Что это за имя! — воскликнул тот со смехом. — Я в первый раз такое слышу». — «Когда мать моя была мною беременна и мучилась родами, то многие соседи приходили к дверям спрашивать: сына или дочь бог ей дал; им отвечали — шинди-герурсез (скоро узнаете). И вот поэтому, когда я родился, мне дали это имя». После этого он взял сааз и начал петь:

«В городе Халафе я пил мисирское вино, но бог мне дал крылья, и я прилетел сюда в три дня».

Брат Куршуд-бека, человек малоумный, выхватил кинжал, воскликнув: «Ты лжешь! как можно из Халафа приехать сюда в три дня?»

«За что ж ты меня хочешь убить? — сказал Ашик. — Певцы обыкновенно со всех четырех сторон собираются в одно место; и я с вас ничего не беру; верьте мне или не верьте».

«Пускай продолжает», сказал жених, — и Ашик-Кериб запел снова:

«Утренний намаз творил я в Арзиньянской долине, полуденный намаз в городе Арзеруме; пред захождением солнца творил намаз в городе Карсе и вечерний намаз в Тифлисе. Аллах дал мне крылья, и я прилетел сюда; дай бог, чтоб я стал жертвою белого коня; он скакал быстро, как плясун

по канату, с горы в ущелье, из ущелья на гору; Мевлян (господь наш) дал Ашику крылья, и он прилетел на свадьбу Магүль-Мегери».

Тогда Магүль-Мегери, узнав его голос, бросила яд в одну сторону, а кинжал в другую. «Так-то ты сдержала свою клятву, — сказала её подруга. — Стало быть, сегодня ночью ты будешь женою Куршүд-бека?» — «Вы не узнали, а я узнала милый мне голос», отвечала Магүль-Мегери, и, взяв ножницы, она прорезала чапру. Когда же посмотрела и точно узнала своего Ашик-Кериба, то вскрикнула и бросилась к нему на шею, и оба упали без чувств. Брат Куршүд-бека бросился на них с кинжалом, намереваясь заколоть обоих, но Куршүд-бек остановил его, промолвив: «Успокойся и знай: что написано у человека на лбу при его рождении, того он не минует».

Придя в чувство, Магүль-Мегери покраснела от стыда, закрыла лицо рукою и спряталась за чапру.

«Теперь точно видно, что ты Ашик-Кериб, — сказал жених, — но поведай, как же ты мог в такое короткое время проехать такое великое пространство?» — «В доказательство истины, — отвечал Ашик, — сабля моя перерубит камень; если же я лгу, то да будет шея моя тоньше волоса. Но лучше всего приведите мне слепую, которая бы семь лет уже не видала света божьего, и я возвращу ей зрение». Сестра Ашик-Кериба, стоя в сенях у двери и услышав такую речь, побежала к матери. «Матушка! — закричала она, — это точно брат, и точно твой сын Ашик-Кериб», и, взяв старуху под руку, привела её на пир свадебный. Тогда Ашик взял

комѡк земли из-за пазухи, развёл его водою и намазал матери глаза, примѡлвя: «Знайте все люди, как могущ и велик Хадерилиаз», и мать его прозрела. После того никто не смел сомневаться в истине слов его, и Куршуд-бек уступил ему безмѡлвно прекрасную Магиль-Мегери.

Тогда в радости Ашик-Кериб сказал ему: «Послушай, Куршуд-бек, я тебя утешу! Сестра моя не хуже твоей прежней невесты; я богат, у ней будет не меньше серебра и золота; итак, возьми её за себя — и будьте так же счастливы, как я с моей дорогою Магиль-Мегери».

«Ашик-Кериб» — народная сказка. Её рассказывали много-много лет назад, рассказывают и теперь на Кавказе на грузинском, азербайджанском, армянском и других языках. В основном содержание её на всех языках одинаково, но в одном случае изменены имена, в другом — место, где происходит действие, и т. д. Понятно, что каждый народ рассказывает её по-своему. Лермонтов записал эту сказку в 1837 году, во время первой ссылки на Кавказ.

СЛОВА́РЬ НЕПО́НЯТНЫХ СЛОВ

РО́ДИНА

- Отчѣзну* — отѣчество, ро́дину.
Завѣтные — доро́гие, любѣмые.
Предѣнья — ѹстные рассказы о прошлом.
Отра́дного — ра́достного.
Четѣ (четѣ) — па́ру.

«МОСКВА́, МОСКВА́...»

- Помѣраться гла́вами* — срази́ться.

БОРОДИНО́

- Реду́т* — полево́е укрепле́ние.
Картѣчь — артилле́рийский сна́ряд для обстре́ла с б́лижнего рас-
стоя́ния.
Добра́ться до картѣчи — нача́ть обстре́ливать картѣчью.
Гро́зной се́чи — гро́зной б́йвы.
У лафе́та — у подста́вки артилле́рийского ору́дия.
Бива́к — стоя́нка войск под откры́тым не́бом для о́тдыха.
Ки́вер — головно́й убо́р.
Хва́том — ло́вким, уда́лым.
Була́том — мечо́м, са́блей.

Ула́ны — кавале́рысты из часте́й лёгкой кавале́рии.

Драгу́ны — кавале́рысты, сража́вшиеся как в ко́нном, так и в пе́шем стро́ю.

Зау́тра — за́втра у́тром.

Бусурма́ны — лю́ди друго́й ве́ры, здесь: враги́.

СМЕРТЬ ПОЭТА

По во́ле ро́ка — по во́ле судьбы́.

В сей — в э́тот.

Клеветника́м — лю́дям, говоря́щим ложь с це́лью опорочи́ть кого́-нибу́дь.

Терно́вый — от сло́ва «терно́вник» — низкий колю́чий кустарник.

Вене́ц терно́вый — вене́ц му́ченический.

Напе́рсники — люби́мцы, лю́ди, по́льзующиеся о́собым дове́рием кого́-нибу́дь.

ДВА ВЕЛИКА́НА

Дерзнове́нной — де́рзкой.

Ви́тязь — богаты́рь.

Над пучи́ною — над глубо́ким мо́рем.

ПА́РУС

Лазу́ри (лазу́рь) — светлоси́него цве́та. *Светле́й лазу́ри* — здесь: о́чень све́тлый.

ТУ́ЧИ

Уте́с — отвесная скала́.

СОСНА́

Ри́зой (ри́за) — оде́ждой, богáто укра́шенной зо́лотом и драгоценны́ми ка́мнями.

На уте́се горю́чем — здесь в смы́сле: горя́чем, раскали́нном от со́лнца.

БЕГЛЁЦ

- Лáни* (лань) — особая порода оленей.
Пóля брáни — поля битвы.
Под пятóй у супостáта (пятá — пята, ногá) — под властью врага.
Пеленóй — покрывалом.
Никём не зрímый — никём не видимый.
К сáкле — к дому, жилищу кавказских горцев.
На лóже — на постели.
Вёжды — вёки.
В теснóне — в узком проходе между высокими горами, утёсами.
Вёпрей — кабанов.
Ни крóва (кров — крыша) — здесь: дома, жилища.
Челó — лоб.
Понíкнув — опустив, склонив.
Утёшить — успокоить.
Гяýр — здесь: враг.
Пресёк — прекратил.
Ругáлись — здесь: насмехались, издевались.
Понóне — до настоящего времени.

КАЗÁЧЬЯ КОЛЫБÉЛЬНАЯ ПЁСНЯ

- Вал* — здесь: большáя волна.
Брáнное — боевое, военное.
Седёльце — седло.

«ДУБÓВЫЙ ЛИСТÓК...»

- Чинáра* — большóе дéрево с ширóкими лiстьями, растóщее в тёплых стрáнах.

АШÍК-КЕРÍБ

- Дар пёсен* — умение исполнять пёсни.
Положil зарóк — дал клятву, обещал.
Ни брóда (брод) — мёлкого мёста, где мóжно перейти рёку.

Пёсох *странничий* — палка, на которую опирается странник.

Бос и наг (босой и нагой) — раздетый.

Чауши — слуги, гонцы.

Паша — здесь: начальник.

Отчаиваться — терять всякую надежду.

Минареты — вышки мечети.

Отягощён сумою — обременён сумою.

Ага — господин.

Хадерилияз — имя святого.

Намаз — молитва.

Не внимая — не слушая.

СОДЕРЖАНИЕ

Михаи́л Юрье́вич Ле́рмонтов	5
Роди́на	17
«Москв́а, Москв́а... люблю́ тебя́, как сын...» (Отрыво́к из поэ́мы «Са́шка»)	19
Боро́дино	20
Два вели́кана	24
Смерть по́эта	25
Па́рус	29
Ту́чи	30
Уте́с	32
«На се́вере ди́ком стои́т одино́ко...»	33
Бегле́ц	34
Каза́чья колыбе́льная пе́сня	40
«Дубо́вый листо́к оторва́лся от ве́тки роди́мой...»	42
«Го́рные верши́ны»	45
Аши́к-Кери́б	46
Слова́рь непоня́тных слов	59

К ЧИТАТЕЛЯМ

Государственное издательство детской литературы Министерства просвещения РСФСР просит учителей нерусских школ сообщить свои отзывы о данной книге по адресу: Москва, Малый Черкасский пер., д. 1, Детгиз.

Для семилетней школы

Ответственный редактор Г. Каримова.
Художественный редактор Б. Дехтерев.
Технический редактор И. Румянцева.
Корректоры А. Вранич и М. Зубков.
Подписано к печати 18/VI 1947 г. 4 п. л.
(2,3 уч.-изд. л.). Тираж 30 000 экз. А06048.
Заказ № 3409. Цена 1 р. 40 к.

Фабрика детской книги Детгиза. Москва,
Сушевский вал, 49.

1960

9933

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТГИЗА

150 =

Цена ~~1 р. 40 к.~~